

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Чище воды, острее ножа

«Научная книга»

Серова М. С.

Чище воды, острее ножа / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Трагически закончилось празднование дня рождения в веселой молодежной компании: одного из гостей зарезали. Подозревается Сергей Беляков, который не раз ссорился с погибшим. А на дне рождения и вообще подрался с ним у всех на глазах... Отец Сергея нанимает известного в городе детектива Татьяну Иванову. Той не составляет труда быстро выяснить, что его отпрыск ни в чем не виноват. Убийца, естественно, кто-то другой. Но вот кто? Обычные методы ведения расследования успеха не имеют. На глазах у Татьяны застрелен человек, явно причастный к этому делу. И тогда она «вызывает огонь на себя» — в буквальном смысле подставляется под выстрелы киллера...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Чище воды, острее ножа

Глава 1

Бывают в моей жизни моменты, когда меня неудержимо тянет пофилософствовать. Спокойно посидеть на кухне с чашкой кофе и сигаретой или постоять на балконе летним вечером, а то и побродить по парку или по набережной и подумать о чем-нибудь далеком и прекрасном. Впрочем, случаются такие моменты редко. Как правило, избранная мной профессия частного детектива к подобному не располагает, наоборот, мыслить приходится как можно более ясно и конкретно. Но тем приятнее иногда расслабиться и, глядя на облака, медленно плывущие по небу, задуматься о том, что там, за этими облаками, за тем небом, которое мы видим.

Такое настроение обычно находит на меня после успешного завершения какого-нибудь серьезного расследования, когда можно наконец-то отдохнуть. Правда, на этот раз дело было не в законченном расследовании, а в том, что сегодня, встав с постели, я почувствовала, что окончательно излечилась от подхваченной неделю назад простуды, из-за которой последние несколько дней пришлось безвылазно сидеть дома. Это открытие немедленно настроило меня на благодушный лад, и я, умывшись и прихватив с собой пачку любимых сигарет, вышла на балкон, прислонилась к стенке и стала задумчиво наблюдать за пушистыми белыми облаками, подставив лицо приятному весеннему ветерку. Как все-таки хорошо быть здоровой!

Я затаилась сигаретой и автоматически подумала, что пачка, из которой я ее достала, последняя. Значит, пора новый блок покупать. Но только не сейчас! Сейчас так не хочется никуда идти. Вот соберусь выходить из дома, заодно и сигарет куплю...

Последняя мысль меня саму и рассердила. Что-то вы, уважаемая госпожа Иванова, совсем обленились! Неделю болеть изволили, каким-то образом умудрившись простудиться в конце апреля, а сейчас выздоровели и снова никуда идти не желаете, даже за сигаретами из дома выйти вам лень. А между прочим, еще и работать иногда надо. Те же сигареты купить – деньги нужны, а они сами по себе с неба не падают. Нет, на сигареты-то у меня пока хватит, но если ничегонеделанье продолжить, то придется с любимых «Marlboro» переходить на «Петра I», которого я дольше нескольких дней выносить не в состоянии. Дойдя в своих размышлениях до этого места, я почувствовала, что настроение у меня немного испортилось, но зато испытала определенное удовлетворение – раз вспомнила о деньгах и о работе, значит, полностью пришла в себя после болезни, что не может не радовать.

Я решительно потушила сигарету, вернулась в квартиру и тщательно закрыла за собой дверь на балкон. Так, сейчас посмотрим, что у меня с финансами. Несколько минут я рылась по разным кошелькам, карманам, сумкам и прочим местам, где я обычно держу деньги, и вскоре пришла к неутешительному выводу – не считая неприкосновенных запасов на черный день, денег осталось максимум на две недели. Открытие меня опечалило, и, чтобы взбодриться, я отправилась на кухню – сварить себе кофе. Я обожаю этот напиток, и он всегда мне помогает. Но когда я открыла банку, меня ожидал новый неприятный сюрприз – кофе осталось ровно на одну порцию.

Настроение еще больше ухудшилось, и я поняла, что если так пойдет и дальше, то сегодняшнее утро для меня ничем хорошим не кончится. Если много мелких неудач выстраиваются друг за другом, то вместе они вполне способны испортить человеку настроение на целый день. Хотя, с другой стороны, с чего я взяла, что меня весь день ожидают неудачи? Заканчивающиеся сигареты и кофе – еще не повод так думать. Если поискать, то наверняка найдется что-нибудь, что кончилось или кончается – а как же иначе, если последние несколько дней я

из дому нос не высовывала? Так что не стоит расстраиваться заранее. Ну а раз вдруг возникли тревожные мысли по поводу начавшегося невезения, то не мешало бы спросить у судьбы о том, что мне готовит сегодняшний день.

Я достала свои любимые гадательные косточки, сосредоточилась и метнула их на стол. Выпало: 10+21+25. Я немного напрягла память и вспомнила расшифровку комбинации: «Когда вы не призываете что-то плохое, оно и не случится. Если человек не хочет что-то изменить, значит, его устраивает положение вещей».

– Так, – вслух сказала я. – Значит, не нужно призывать плохое, то есть думать о неприятностях. Вот и ладушки, не буду. А вторая часть – насчет того, хочу ли я что-то изменить... Конечно, хочу! Сложившееся положение вещей меня не устраивает. Я устала бездельничать! И деньги нужны! Клиента мне!

Последние слова я произнесла таким голосом, каким, наверное, ведьмы в Средние века завершали свои заклинания. Я даже замерла на несколько секунд в ожидании. Почему-то мне показалось, что сейчас должен раздаться звонок в дверь. Но чуда не случилось. Звонка в дверь не последовало, зато я услышала у себя за спиной громкое шипение. Я мгновенно обернулась и тут же установила источник звука: это «ушел» мой кофе.

К счастью, гадание на костях уже успело оказать на меня благотворное воздействие, и я нисколько не расстроилась. Подумаешь, кофе сбежал... Первый раз, что ли? Через пять минут, когда плита была приведена в порядок, а остаток кофе дымился у меня в чашке, я наконец-то смогла сесть за стол и отхлебнуть глоток любимого напитка.

За чашкой кофе мне всегда особенно хорошо думается. Вот и сейчас я ощутила полную готовность к напряженной мыслительной работе, но... как назло, думать было особенно не о чем. Разве что о том, чем бы сейчас заняться. Клиентов нет, и когда они появятся, неизвестно, а просто сидеть и ждать – глупо. Клиенты – народ зловерный, когда работы навалом, они ломятся косяками, приходится кому-то отказывать, и они обижаются, что у меня времени на всех не хватает, а когда делать, как сейчас, совершенно нечего – хоть бы один объявился.

Немного поразмыслив, чем бы заняться, я решила, что сейчас вполне можно выбраться из дома и дойти до ближайшего магазина – купить сигарет, кофе и какой-нибудь еды. Конечно, пока меня не будет дома, может позвонить какой-нибудь потенциальный клиент, но, в конце концов, это еще не повод, чтобы не выходить за порог. Тем более я давно заметила: если сидеть дома и ждать, то никто не позвонит и не придет, а если самой собраться куда-нибудь выйти, ситуация тут же меняется в лучшую сторону. Правда, для того чтобы правило сработало, уходить нужно всерьез, а не просто мечтать об этом в качестве психологического упражнения.

Я вернулась в комнату и стала не спеша одеваться. На улице было уже совсем не холодно, поэтому я, чуть поколебавшись, решила не надевать пальто, а ограничиться теплым свитером с воротником под горло. Минут через десять я была уже полностью готова к выходу, оставалось только обуться и взять сумку, но в эту минуту в комнате раздался телефонный звонок.

«Сработало!» – подумала я, вбегая в комнату и хватая трубку.

– Алло?

– Здравствуйте. Могу я поговорить с Татьяной Ивановой? – раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Конечно, можете. Это я и есть, – ответила я и сделала выжидательную паузу.

– Дело в том... – немного неуверенно начал мой собеседник.

– Подождите, – остановила его я. – Прежде чем говорить о деле, может быть, вы представитесь?

– Конечно, конечно, – в голосе моего собеседника послышалось облегчение. – Извините, просто я сейчас немного взволнован. Я – Константин Петрович Беляков, работаю в одной фирме с Александром Матвеевым, от которого про вас и услышал. Он говорил, что вы однажды очень серьезно ему помогли и что вы отличный профессионал.

– Ясно, – ответила я.

Дело Матвеева я прекрасно помнила. Чуть больше полугода назад я помогла ему выпутаться из довольно щекотливой ситуации, связанной с торговлей наркотиками. Его тогда пытались подставить, но с моей помощью он сумел оправдаться и выйти из этой истории с минимальными потерями.

– Так чем я могу вам помочь? – спросила я.

– Дело в том... – Константин Петрович на несколько секунд замялся, явно подбирая слова. – Ох, нет, долго рассказывать. Одним словом, не могли бы вы сейчас приехать по адресу: улица Рогожина, дом 25, квартира 181, я вам все объясню. И, если вам не трудно, постарайтесь поскорее.

Последнее предложение мой собеседник произнес уже вполне уверенным голосом – судя по всему, он справился со своей неловкостью. Зато я несколько растерялась: обычно клиенты приезжали ко мне, или они, по крайней мере, излагали свои проблемы по телефону. Вот так, срываться с места, ехать непонятно куда и непонятно зачем, я не привыкла.

– И все-таки, Константин Петрович, может быть, вы скажете коротенько, что у вас случилось?

– Нет, Татьяна Александровна, рассказывать долго, а время уходит. Чем скорее вы здесь окажетесь, тем лучше, а на месте я вам все расскажу.

– Так не пойдет, – решительно сказала я. – Объясните суть проблемы хотя бы в двух словах.

– В двух словах так. Произошло убийство, и в совершении его подозревают моего сына. Мне нужно, чтобы вы доказали его невиновность. И чем раньше вы сюда приедете, тем больше успеете увидеть своими глазами. Ведь осмотр места преступления очень важен, насколько я понимаю. И поговорить успеете со всеми, кто тут был, пока их в милицию не забрали или по домам не распустили.

– Так вы меня не домой к себе приглашаете, а на место преступления?

– Ну да.

– А что это за остальные, о которых вы сказали?

– Татьяна Александровна, если я сейчас начну вам все рассказывать, то вы ничего сами не увидите. А я к тому же и не знаю ничего толком – кто тут со мной откровенничать будет? Приезжайте лучше сюда и сами во всем разберитесь.

Я подумала, что Константин Петрович прав, и сказала:

– Хорошо. Остается только обсудить вопрос оплаты моей работы. Я беру двести долларов за каждые сутки расследования. Вас такая цена устраивает?

– Устраивает. Меня Матвеев предупреждал, что вы работаете отлично, но и деньги берете соответствующие. Если справитесь с делом, я вам и больше заплачу. Так когда вас ждать?

Я прикинула расстояние от моего дома до улицы Рогожина и ответила:

– Через двадцать минут. Если сможете, постарайтесь пока сами узнать побольше. До встречи.

Я повесила трубку, бросила в кресло приготовленную было хозяйственную сумку, достала из шкафа рабочую и помчалась из дома. Хорошо, что я уже одета и не нужно тратить время на сборы. Беляков прав, чем раньше я буду на месте происшествия, тем лучше. Интересно, давно ли произошло убийство? Эх, зря не спросила. Хотя нет, не зря, сейчас все узнаю. Насколько я поняла из слов клиента, милиция оттуда еще не убралась, значит, труп обнаружили относительно недавно. Отлично, если потороплюсь, у меня будут все условия для работы. Вот только бы милиция не начала мне палки в колеса втыкать, а то некоторые менты так частных детективов не любят, что из чистой вредности могут подгадить.

С этими мыслями я вышла во двор, вывела из гаража любимую свою бежевую «девятку» и покатила по утреннему городу. Улица Рогожина находится довольно близко от моего

дома, и, может быть, проще было бы пройти несколько кварталов пешком, чем ехать на машине, поскольку в центре нашего города целая куча улиц с односторонним движением. Но сейчас я не могла позволить себе оставить любимого железного коня в гараже – кто знает, куда меня сегодня заведет только что начавшееся расследование?

К дому номер двадцать пять я подъехала в самом начале десятого и сразу поняла, какой из подъездов многоэтажки мне нужен: около него стояли две милицейские машины, «Скорая помощь» и толпилось десятка два человек – неугомонные бабки и прочие любопытствующие. Я почувствовала просыпающийся во мне охотничий азарт, расследование уже горячило кровь и призывало к активным действиям.

Распахнув дверцу, я вышла из машины и решительно направилась к подъезду, не задерживаясь для разговора с народом. От бабок, конечно, можно узнать что-нибудь ценное, но я решила оставить беседу с ними на потом. Бабки от меня никуда не убегут, а сейчас нужно как можно скорее оказаться на месте происшествия.

Нужная мне квартира располагалась на пятом этаже, куда мне пришлось добираться пешком, поскольку лифт работать решительно отказался. Поднимаясь по ступенькам и проклиная вечное наше российское разгильдяйство – ведь не сей же час сломался лифт, а наверняка вчера, если не раньше, и до сих пор его не починили! – я мимоходом обратила внимание на то, что в подъезде не наблюдается никакого шевеления и беготни. Это меня, признаться, слегка удивило – сейчас самое время опрашивать соседей, кто что видел, кто что слышал и так далее. А если упустить время, то потом никто ничего не вспомнит и работать будет существенно труднее. Или милиция сработала так быстро, что опрос уже закончен? Ох, что-то мне в такую ее оперативность не верится!

У двери квартиры, названной Беляковым, дорогу мне преградил милицейский сержант с дымящейся сигаретой в руке, заявивший решительно:

– Девушка, сюда нельзя.

Я слегка растерялась. Почему-то я была совершенно уверена, что меня беспрепятственно пропустят внутрь, и к возникшему на пути препятствию оказалась не готова. Предъявлять сейчас свои просроченные корочки, в которых значилось, что я являюсь работником прокуратуры – удостоверение осталось с тех пор, как я там работала, и частенько меня выручало, – было нельзя, поэтому я честно сказала:

– Я – Татьяна Иванова, частный детектив, меня сюда пригласил Константин Петрович Беляков. Могу я с ним поговорить?

Сержант вытаращился на меня с искренним недоумением. Видимо, ему на жизненном пути еще ни разу не попадались частные детективы, да еще женского пола, да еще со столь эффектной внешностью, как у меня.

– Какой еще Беляков? Не знаю никакого Белякова.

Я с трудом подавила раздражение. Не люблю тупых. Постаравшись говорить повежливее, я ответила:

– Я понимаю, что вы не знаете Белякова. Откуда бы вам его знать? Он же мой клиент, а не ваш, правильно? Но, может быть, вы зайдете в квартиру и спросите, нет ли там такого? А заодно скажете, что приехала Татьяна Иванова.

На лице сержанта явственно отразилась напряженная работа мысли. Судя по всему, парень сейчас решал, стоит ли ему попытаться меня прогнать или проще будет выполнить мою просьбу. Ох, ну почему мне такой тугодум попался! Я попыталась ускорить протекавший в голове сержанта мыслительный процесс:

– А кто там сейчас? Кому это дело досталось? – Во мне родилась робкая надежда, что дело будет вести кто-то из моих друзей, тогда работать было бы намного легче.

На четко поставленный вопрос сержант ответил моментально:

– Капитан Данилов из Ленинского РОВД.

Фамилия показалась мне смутно знакомой, но сразу вспомнить, когда и при каких обстоятельствах я сталкивалась с ее обладателем, мне не удалось. Ну да особой разницы и нет. Если даже мы с Даниловым и знакомы, то очень мимолетно, но все равно лучше поговорить с ним, чем с этим дубиноголовым сержантом.

– Тогда скажите капитану Данилову... – начала я, но тут дверь квартиры открылась, и на лестничную площадку вышел высокий полный мужчина, одетый в строгий деловой костюм. Черты его лица были немного грубоваты, но в глубоко посаженных серых глазах были заметны ум и решительность.

– Вы Татьяна Иванова? – спросил он, едва увидев меня.

– Именно, – лаконично подтвердила я. – А вы Беляков?

Мужчина кивнул:

– Извините, что я не встретил вас. Со мной сейчас капитан разговаривал и только что отпустил меня. А вы быстро добрались, я и не ожидал, что вы уже здесь.

– Я только подошла, – ответила я. – Как раз просила сержанта позвать капитана Данилова, но поскольку вы появились, то, может быть, введете меня в курс дела?

– Да, конечно, – кивнул Беляков. – Капитан и прочие все равно сейчас заняты, и задержатся они здесь не меньше чем на час еще, так что время у нас есть. Давайте покурим тут, и я вам все расскажу. Кстати, вы курите? – словно спохватившись, спросил он.

– Курю. Только давайте спустимся этажом ниже, – предложила я, глазами показав своему клиенту на сержанта, который с любопытством прислушивался к нашему разговору.

Беляков оказался понятливым и не стал переспрашивать вслух. Мы спустились сначала на четвертый этаж, а потом еще на один лестничный пролет ниже, чтобы не торчать перед дверьми квартир, и закурили.

– Рассказывайте, – потребовала я, вдохнув первую порцию дыма.

– Легко сказать. Я даже не знаю, с чего начать-то.

– Начните с начала, – посоветовала я, стараясь по возможности умерить природное ехидство. Как-никак передо мной клиент, а с клиентами нужно обращаться, как со старинной фарфоровой посудой, – бережно и нежно. – Но постарайтесь тем не менее покороче – сами говорили, что время нам дорого.

– Если с начала, но при этом покороче, – Беляков слегка усмехнулся, – то дело обстоит так. У меня есть сын, зовут его Сергей. Это, к сожалению, молодой разгильдяй, который только и умеет, что у меня на шее кататься. Вчера вечером он ушел из дома на день рождения к своему другу. Предупредил, что гулянка затянется на всю ночь и вернется он только на следующий день, часам к двенадцати. А сегодня утром, где-то без десяти восемь, – я как раз из дому выходить собирался – дорогой сыночек звонит мне и сквозь всхлипы и вздохи сообщает, что в квартире, где они праздновали, ночью кого-то зарезали и что он будет первым подозреваемым, поскольку вечером с тем, кого убили, поссорился и чуть ли не дрался. Но при этом Сергей клялся, что не виноват, и, честно говоря, я ему верю. Не подумайте, что только из-за того, что он мой сын. Просто уж кого-кого, но сыночка своего я знаю как облупленного. Не мог он никого убить. Характер не тот, слабовольный он очень.

Голос у Константина Петровича слегка подрагивал, но в целом говорил он довольно спокойно и даже с легкой иронией. Это мне в нем сразу понравилось. Люблю, когда люди стараются сами к себе с юмором относиться, с такими общаться проще.

– Сколько лет сыну? – задала я первый из возникших у меня вопросов.

– Двадцать один год.

– Он сейчас там? – Я показала пальцем в потолок, имея в виду квартиру номер 181.

– Да. Они утром сразу, как нашли тело, вызвали милицию, и оттуда никого пока не выпускают.

– А кого убили?

– Ох. Я фамилию-то этого парня не знаю, а зовут, кажется, Сашей.

– Ладно, фамилию я у милиционеров выясню. Убитый – тот самый, у которого день рождения был?

– Кажется, нет, – неуверенно ответил Беляков. – День рождения, по-моему, у другого был, у Димы, а Саша – один из гостей.

– И много еще гостей было?

– Человек восемь, кажется. Или десять. Не знаю точно.

– Тоже молодые все?

– Ну да. Лет им примерно по двадцать – двадцать пять.

– Значит, они все сейчас в квартире... – произнесла я, начиная понимать, что легкой жизни мне с этим делом не видать.

– Ну да, – подтвердил Константин Петрович. – Насколько я понял, этот капитан хочет сначала со всеми поговорить. Сидят там в комнате как пришибленные, и Сергей с ними.

Я тяжело вздохнула. Неплохой клубочек завязывается, судя по всему. Если в квартире столько народу, то я с ума сойду, прежде чем со всеми участниками вечеринки хоть коротко переговорю, а ведь это самое начало.

– Кстати, а с чего вдруг милиционеры позволили Сергею вам позвонить? – спросила я.

– Я так понял, что он мне звонил еще до того, как милиция приехала, сразу после того, как они труп обнаружили, – ответил Беляков.

– А когда вы сюда приехали, милиция уже была здесь?

– Ага. Сначала пускать не хотели, потом разобрались, кто я такой, и их главный захотел со мной поговорить.

– И о чем спрашивал?

– О Сергее, конечно. Много ли он пил, не баловался ли наркотиками, не хранил ли дома холодное оружие, какие у него отношения с друзьями... Еще о том, знаю ли я этого Сашу, не ссорился ли мой сын с ним, и все такое. Ну, и я его тоже спросил – о том, кого он подозревает, но он мне, конечно, ничего толком не ответил.

Я задумчиво покивала. Картина более или менее прояснилась. Или, вернее будет сказать, прояснялись рамки, в которых постепенно будет проявляться картина преступления. Говорить сейчас с Константином Петровичем более подробно не имело смысла – нужно сначала пообщаться с капитаном Даниловым и, по возможности, с бывшим на вечеринке народом. Оставался еще только один, причем наиболее щекотливый, вопрос, который я умышленно прибегла на самый конец разговора:

– Константин Петрович, я бы хотела прояснить одну вещь. А именно: для чего вы меня хотите нанять? Для того, чтобы я нашла истинного виновника преступления, или для того, чтобы я доказала невиновность вашего сына?

Беляков несколько секунд непонимающе хлопал глазами, потом до него дошел смысл моего вопроса, и он нахмурился:

– Татьяна Александровна, Сергей невиновен! Поверьте мне, я знаю, что говорю. В конце концов, он мой сын, кому, как не мне, его знать!

У меня было свое мнение по данному вопросу, но я решила оставить его при себе. Не говорить же сейчас вслух, что как раз родители зачастую знают о своих чадах чуть ли не меньше всех остальных.

– Я вам верю. Но в таких случаях одной веры мало, поэтому мне все-таки нужно четко обозначить свою позицию. Я не занимаюсь фальсификацией доказательств и выгораживанием преступников. Если по ходу расследования я приду к выводу, что виновен именно Сергей, то самое большее, что я могу вам обещать, это не делиться полученной информацией с милицией. О чем вас честно и предупреждаю.

– Согласен, – чуть помедлив, сказал Беляков. – Понимаете, Татьяна Александровна, я абсолютно уверен, что сын невиновен, поэтому такие условия меня не пугают. Я даже больше скажу: если вы получите железные доказательства того, что виновен Сергей, то приходите ко мне, и если я соглашусь с ними, то можете сообщить о них и милиции. Сергей мой сын, и я его люблю, но если он и в самом деле убил человека, то выгораживать его я не стану. Так что работайте смело. Только имейте в виду – доказательства должны быть действительно железными. Если вы вздумаете обвинить его только на основании того, что нож, которым было совершено преступление, принадлежит ему, то я с вами не соглашусь.

– Разумеется, Константин Петрович, – с облегчением сказала я. Позиция Белякова показала мне весьма благородной. – Я буду продолжать расследование до тех пор, пока не буду абсолютно уверена в полученных результатах.

– Вот и отлично. Кстати, вы говорили об оплате. Давайте я сейчас заплачу вам за пять дней вперед, а там видно будет.

Я кивнула. Хорошо, что мой новый клиент сам про это вспомнил, не люблю первой заговаривать о таких вещах. Спрятав полученные деньги в сумочку, я сказала:

– Так, теперь давайте договоримся. У меня к вам могут возникнуть еще какие-то вопросы, но сейчас я хочу попытаться наладить контакт с милицией, так что подождите меня немного. Или пойдемте туда вместе со мной, подождете прямо там, а то меня опять впускать откажутся.

Беляков кивнул, и мы с ним поднялись по лестнице на пятый этаж и снова предстали перед бдительным сержантом.

– Позови сюда капитана, – приказным тоном сказала я, решив, что именно такой стиль общения будет в данном случае наиболее эффективен.

– Да вы проходите сами, – неожиданно предложил страж порядка. – Я про вас сказал капитану, и он велел вас впустить, если вернетесь.

Я кивнула, и мы с Беляковым прошли в квартиру мимо посторонившегося сержанта. Сделав два шага от порога, я невольно приостановилась. Да. Конечно, видала я в жизни немало бардаков, но такого, пожалуй, еще ни разу. Прихожая, в которой мы оказались, выглядела так, словно по ней сначала пронесся маленький смерч, потом прошлись с обыском воры-домушники, а, что называется, на закуску устроили пирушку члены банды батьки Махно или еще кого-нибудь в этом роде.

На полу грудой валялась целая куча разной одежды, усыпанная битым стеклом. Секунду спустя я поняла, что это свалилась со стены вешалка, а осколки – от зеркала, остатки которого все еще висели на стене напротив входа. Впрочем, там были и другие, похоже, что бутылочные. Рядом с одеждой растекалась странного вида лужа – от нее пахло пивом, и в ней почему-то плавали три красные гвоздики и перевернутая тапочка. В углу, рядом с остатками зеркала, высилась груда рваной бумаги непонятного назначения. Большая ее часть по цвету и плотности была похожа на картон, но виднелось и несколько белых кусков, один из которых был, как мне показалось, покрыт яркими пятнами краски. Еще из этой груды торчали несколько кусков веревки. Разглядев их, я подумала, что в бумагу, видимо, было завернуто что-то, что хозяину очень не терпелось распаковать. Настолько, что вместо того, чтобы аккуратно развернуть упаковку, он предпочел разорвать ее в клочья.

– Ничего себе, – протянула я. – Весело ребятки тут время проводили, ничего не скажешь...

– Это еще цветочки, – с мрачным смешком прокомментировал Беляков. – Вот увидите, что в кухне и в комнатах творится, – это будут ягодки.

Тут справа послышались осторожные шаги, и из-за поворота показался молодой человек в штатском. Прежде чем он успел раскрыть рот, я спросила:

– Где капитан Данилов?

– На кухне, – коротко информировал меня парень. – Это сюда, – он махнул рукой направо. – А вы откуда? Из прокуратуры?

– Почти, – ответила я и, не став вдаваться в подробности, устремила на кухню. Когда я завернула за угол, то поняла, почему показавшийся отсюда парень шагал так осторожно, – здесь пол тоже был усеян осколками, но уже не от зеркала, а от какой-то посуды. Некоторые осколки были достаточно большими и острыми, чтобы представлять угрозу даже для обутого человека. Да что они тут, в футбол, что ли, чашками играли?!

– Здесь вроде бы какая-то из девиц поднос с бокалами уронила, – отвечая на мой незадаанный вопрос, сообщил Беляков. – Мне вас тут подождать?

– Ага. А еще лучше идите в комнату. Или нет – спуститесь на улицу, подождите в машине. Хотя, скорее всего, ждать придется довольно долго.

Мой клиент послушно кивнул и остался в прихожей, а я, аккуратно пройдя по коридору, добралась до кухни и постучала по косяку, привлекая к себе внимание двух находившихся там людей. Они сидели на табуретках посреди такого же, как и в прихожей, разгрома, дополненного еще и просыпанным на стол и на пол сахаром. Оба повернулись ко мне, и я смогла рассмотреть их лица. Один из них оказался молодым парнем с худым лицом, длинными темными волосами и серьгой в ухе, а второй – невысокий рыжеволосый мужчина, в чертах лица которого явно было что-то знакомое.

– Привет, Татьяна, – поздоровался он со мной, привставая с табуретки. – Не узнаешь?

Я внимательно вгляделась в его лицо. Где же я его видела? Прокуратура? Нет, раньше... Академия? Нет... Или да? Стоп, вспомнила! Венька Данилов, мы с ним вместе учились на первом курсе, а потом он перешел в другую группу, и больше мы с ним не встречались. Насколько я помню, он был довольно неплохим парнем. Впрочем, всегда, особенно детективу, следует помнить о том, что с возрастом люди меняются, и необязательно в лучшую сторону.

– Здравствуй, Венька, – ответила я на приветствие. – Найдется у тебя несколько свободных минут для бывшей однокурсницы или как?

– Найдется, разумеется, – широко улыбнулся мне Данилов. – Иди в комнату и подожди, – обратился он к длинноволосому. – Минут через десять я вернусь, продолжим наш разговор.

Мы с Даниловым вышли из кухни и мимо Константина Петровича Белякова, непонятно зачем топтавшегося в прихожей, вышли в подъезд.

– Сколько лет не виделись, и надо же, какая неожиданная встреча, – с теплой улыбкой сказал Данилов. – Как твои дела, Татьяна? Я слышал, ты крутым частным детективом заделалась, правда, что ли?

– Ну уж не знаю, насколько крутым, но то, что заделалась, – факт, – скромно ответила я. – А ты как?

– Как видишь. В милиции тружусь, света белого совершенно не вижу.

Мы оба замолчали. Для того чтобы просто мирно потрепаться, был неподходящий момент, а перейти к делу ни один из нас пока не решался.

Я исподтишка разглядывала бывшего однокурсника. Со времен нашей совместной учебы Венька изрядно изменился – возмужал и как-то расширился, причем не растолстел, а именно расширился. Плечи у него раньше определенно были уже, а руки тоньше. И лицо тоже приобрело некие мужественные черты. Помню, на первом курсе щеки у него были как у младенчика, а сейчас ни следа той детской пухлости не осталось. Одет Венька был просто, но весьма аккуратно – джинсы, рубашка, джинсовая куртка, черные ботинки. Начищенные, кстати. Вообще, выглядел Данилов весьма неплохо, и я неожиданно почувствовала, что мой интерес к нему вот-вот выйдет за рамки чисто профессионального. Собственно, ничего удивительного: со своим последним кавалером я распрощалась две недели назад, окончательно убедившись, что характерами мы с ним не сходимся. Но все хорошо в свое время, а начало расследования – не слиш-

ком подходящий момент для того, чтобы обзаводиться новым бойфрендом, поэтому я решила взять себя в руки и перевела наконец разговор на деловую тему:

– Это дело тебе поручили, да?

– Ага, – с тяжелым вздохом сказал Венька. – Мало мне всего, еще и сегодняшнее убийство теперь.

– А ты не мог бы со мной кое-какой информацией поделиться? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Да мог бы в принципе. А что именно тебя интересует? И зачем тебе это?

– Интересует все, что вам уже удалось установить. Имя убитого. Время убийства. Способ. Список присутствовавших в квартире. Ну и так далее. А зачем... Понимаешь ли, в вечеринке принимал участие некий Сергей Беляков, который вроде как у вас чуть ли не главный подозреваемый. – Венька кивнул, и я продолжила: – Так вот его отец считает, что он невиновен, и хочет, чтобы я это доказала.

– Ясно, – протянул Данилов. – То есть, если я все правильно понимаю, ты собираешься заниматься этим убийством параллельно с нами?

Я кивнула:

– Ну да. И очень надеюсь на твою помощь. Или, по крайней мере, на то, что ты не будешь мне мешать.

– Ну что ты, Татьяна, о чем разговор! Мешать я тебе, конечно, не буду, а вот насчет помощи... – Данилов немного помолчал. – Давай так: баш на баш.

– В смысле?

– В самом прямом. Татьяна, как ты думаешь, сколько на мне сейчас дел висит?

Я быстро прикинула. Вообще-то, по формальным правилам, один оперативник не должен одновременно вести более трех разных дел, но поскольку я имела некоторый опыт работы в органах, то знала, как далеко иногда теория расходится с практикой. Людей постоянно не хватает, и поэтому на каждого опера вешают раза в два больше, чем положено.

– Дел семь-восемь, – осторожно предположила я.

Данилов тяжело вздохнул:

– Семь-восемь... Если бы так, у меня была бы не жизнь, а малина. Двенадцать не хочешь?

– Ничего себе. Ты серьезно?

– Куда уж серьезнее! Это дело – тринадцатое.

– Слушай, как же ты работаешь-то? О чем вообще ваше начальство думает?

– А что начальство? Начальству тоже деваться некуда. Кому-то ведь дела поручать надо, а людей не хватает катастрофически.

– Но есть же нормы...

– Нормы-то есть. Вот только преступники не в курсе, что у нас нормы. Короче, у меня к тебе такое предложение: я тебе даю всю необходимую информацию, помогаю в случае чего людьми, но сам прекращаю заниматься этим убийством. А ты расследуешь его и делишься со мной результатами. Все равно у тебя получится и быстрее, и лучше, чем у меня, благо у тебя-то это дело будет единственным. А профессионал ты отличный, как я слышал. Согласна на такие условия?

Я задумалась. Предложение было выгодное – не люблю работать параллельно с милицией. В таких случаях постоянно возникают ситуации, когда мы или на пятки друг другу наступаем, или нос к носу у двери важного свидетеля сталкиваемся. А тут мне не только мешать не будут, но даже помощь обещают. Но есть одно «против». А что, если я выясню, что виноват все-таки Сергей? Тогда придется выдавать его Данилову, что будет нечестно по отношению к моему клиенту. Хотя, с другой стороны, Константин Петрович сам сказал, что если у меня будет полная уверенность в виновности Сергея, то он не возражает, если я передам собранный материал милиции. Правда, он потребовал, чтобы сначала я предъявила доказательства

вины сына ему, но тут не будет слишком большой проблемы – если у меня эти доказательства появятся, то ничто не мешает мне их ему предъявить, я ведь не официальное лицо, тайну следствия хранить не обязана. Вот и прекрасно, значит, можно со спокойной совестью соглашаться.

– Согласна, – сказала я, решительно кивнув. – Только вот что, Веня, сначала у меня к тебе такой вопрос: как сам думаешь, Сергей Беляков виноват или нет?

– Ну ты и вопросы задаешь! Откуда же я знаю?! Хотя улики против него есть.

– погоди, – нетерпеливо перебила я Веню, – я не про улики говорю. Ты ведь с ним уже разговаривал?

– Конечно. Когда ты вошла, я как раз с ним и общался.

– Что тебе профессиональное чутье говорит? Он или не он?

Данилов задумался.

– Знаешь, – спустя примерно полминуты сказал он, – скорее всего, нет. В смысле не Беляков. Понимаешь, он, конечно, здорово напуган, из-за этого много врет, пытается себя выгородить, но, по-моему, он не играет. Я в этом за время работы в нашей конторе разбираться научился. Конечно, головой бы я за него не поручился.

Я удовлетворенно кивнула. Теперь к субъективному мнению отца, который все-таки должен хоть как-то знать своего сына, прибавляется субъективное мнение опера, который неплохо разбирается в психологии преступников. А поскольку эти два мнения совпадают, то, пожалуй, можно относиться к ним серьезно и принять за рабочую гипотезу то, что Сергей Беляков и в самом деле невиновен.

– А какие против него улики?

– Во-первых, они с убитым были в довольно плохих отношениях, – начал Данилов, но я его перебила:

– Извини, Веня, а как убитого-то звали?

– Александр Лисовский. Так вот, они с ним были в неважных отношениях, а вчера вечером после того, как оба уже приняли на грудь, чуть не подрались. Их растаскивали даже. Об этом говорят все, кто на вечеринке был. Да и сам Беляков данный факт не отрицает.

– Из-за чего они поссорились-то?

– Ох, Татьяна, я, честно говоря, до конца еще и сам не понял. У них какие-то запутанные взаимоотношения, без поллитры и не разберешься, а я ведь сюда только часов в восемь приехал. У них музыкальная студия есть, так вот из-за нее какие-то склоки: кто-то кого-то оттуда выгнал, кто-то на кого-то из-за этого смертельно обиделся... В общем, тут тебе самой лучше разбираться.

– А что еще?

– Еще орудие преступления. Лисовского убили ножом – в области сердца колотая рана. Умер он, по заключению экспертов, практически мгновенно. Нож принадлежит Белякову, он этого, кстати, тоже не отрицает.

– Ну, нож-то его мог и кто-то другой использовать.

– А я разве спорю? Мог. Но ты ведь, кажется, в прокуратуре немного поработала, так что знаешь, что в подобных случаях это улика.

Я кивнула:

– Знаю. Кстати, а что со временем убийства?

– От трех до пяти часов утра. Более точно будет известно после вскрытия. Когда мне результаты принесут, я тебе их сообщу.

– Хорошо, – задумчиво сказала я. В моей голове вертелась какая-то мысль, которую я никак не могла поймать. Что-то еще мне нужно от Данилова, но никак не соображу что.

– Ну что, Татьяна, возвращаемся? – предложил Веня. – А то мы с тобой что-то тут застоялись.

– Ага, – кивнула я, и в этот момент схватила свою неоформившуюся мысль за хвост. – Веня, у меня к тебе просьба, – тут же решительно сказала я. – Мне нужно, чтобы ты представил меня как работника прокуратуры.

– Это еще зачем?

– Затем, что если я честно назовусь частным детективом, то половина из тех, кто был на вечеринке, откажется со мной разговаривать. Они ведь мне помогать не обязаны. А если будут думать, что я из прокуратуры, тогда совсем другое дело.

– А как ты это себе представляешь? Меня ведь за такое по головке не погладят, если начальство узнает.

– Начальство не узнает. Откуда бы ему узнать? Ведь мы с тобой трепаться ни о чем не будем, правда? А своим ребятам ты все как есть объяснишь, я думаю, они тебя поймут. Сделаем так: мы вдвоем входим в комнату, где весь народ у тебя сидит, и ты мимоходом обращаешься ко мне «товарищ майор», а я отвечаю что-нибудь насчет того, что я этим делом займусь. Что, кстати, будет чистой правдой. Всего-то и делов! И тебе ничего не грозит, кстати. Ты же не к ним обращался, а ко мне. Может быть, мы с тобой старые друзья, и это у нас традиция такая: ты меня называешь товарищем майором, а я тебя адмиралом Нельсоном.

– Ох, Татьяна, ничуть ты не изменилась со времен первого курса, – с улыбкой сказал Данилов.

– Это комплимент? – кокетливо поинтересовалась я.

– Никакой не комплимент, чистая правда. Ладно, я согласен. Пошли в квартиру, там уже все небось заждались.

Глава 2

Наша уловка с «товарищем майором» сработала на пять с плюсом. Мы с Даниловым прошли по коридору, повернули налево и оказались в большой комнате, где среди такого же бардака, как и тот, что царил в прихожей и на кухне, возились два оперативника, осматривающие валявшиеся вещи, а по разным углам молча с мрачными лицами сидели три парня и четыре девушки. Впрочем, молчание, судя по всему, было вынужденным – общество милиционеров явно не располагало к непринужденному общению.

– Где тело? – деловито осведомилась я у Данилова, не обращая внимания на присутствующих.

– Дальше, товарищ майор, в следующей комнате, там осмотр уже закончен, – ответил он.

Мы прошли в следующую комнату. Она была поменьше предыдущей, и в ней не было столько мусора. По крайней мере, битого стекла нигде видно не было. Я быстро окинула комнату взглядом – книжный шкаф, небольшой диван, зеркало, тумбочка, уставленная всяческими безделушками, стол, на котором стояли бутылки и два бокала, кровать. Бегло осмотрев комнату, я присела на корточки рядом с кроватью, где лежало тело светловолосого парня, одетого в черные джинсы и темно-синюю в рубчик рубашку. «Да, рубашка испорчена безнадежно», – мелькнула у меня в голове сюрреалистическая мысль при взгляде на темное пятно, находившееся в левой верхней части груди.

– Удар пришелся точно в сердце, – сказал Данилов, показывая на рану, как будто сама я могла ее не заметить. – Умер мгновенно, наверняка не успел ни проснуться, ни что-то осознать. Причина смерти сомнений не вызывает.

– Если, конечно, его сначала не отравили, а потом не ткнули ножом, чтобы замаскировать отравление.

– С чего ты взяла?

– Да ни с чего особенного. Просто я к тому, что нужно все-таки дождаться результатов вскрытия, не делая до тех пор окончательных выводов. Кстати, что за бокалы на столе? Что из них пили? И кто?

– Пили вино, судя по всему. Видишь, бутылка на столе стоит с красным? На дне бокалов очень похожие капельки. Ну это мы еще выясним точно, бокалы я заберу на экспертизу. И отпечатки на них посмотрим, тогда точно и узнаем, кто из них пил. Хотя, наверное, сам Лисовский и его девушка... как ее... Соня, что ли.

– Ясно, – кивнула я. – Ну, как результаты экспертизы будут готовы, поделишься. А нож где? Ты говорил, его нашли и даже выяснили, что принадлежал он Белякову?

– Нож мы вынули из раны. Всажен был глубоко, вынуть удалось с трудом. Я тебе его покажу, как отсюда выйдем.

– Если бы убийцей и в самом деле был Беляков, то с его стороны довольно глупо было оставлять нож. Похоже на то, что кому-то очень хочется, чтобы мы сочли, что убийца именно он, – заметила я.

– Согласен, но это не единственное объяснение. Если он не планировал преступление заранее, то мог свой нож и оставить в ране. Возможна, например, такая ситуация – убийца в состоянии аффекта бьет жертву ножом, потом приходит в себя, видит, что натворил, а зрелище тяжелое даже для нас с тобой, хотя мы ни при чем и повидали всякого. Ему становится дурно и страшно, он в панике выскакивает из комнаты, забыв выдернуть из раны нож. Такое сплошь и рядом бывает, когда убивают не профессионалы, сама знаешь. А потом он просто не решается вернуться. Или, может быть, кто-то ему мешает.

– Все эти рассуждения легко можно отнести как к Белякову, так и к кому угодно, – ответила я.

– Согласен. Я говорю в порядке размышления. Кстати, еще раз обращаю твое внимание: рана глубокая, мы нож еле вынули, так что женщины, похоже, исключаются.

– Не факт, – сказала я, вставая. – Женщина, если сильно захочет, может ударить не слабее мужчины. Хотя это менее вероятно, – уже себе под нос закончила я.

Делать какие-то выводы было еще рано, но кое-что мне уже становилось понятно. Рана одна, следов борьбы не видно, а убитый, судя по всему, был довольно крепким парнем. Значит, скорее всего, его убили, когда он спал. Так, так... А почему же он тогда одет, а кровать не разобрана? А очень просто – ребята много пили, и ни сил, ни желания стелить кровать у парня не было – как свалился, так и заснул. Логично? Вроде бы да. Я еще раз обвела комнату взглядом и решила, что сейчас затевать более детальный осмотр не стоит – это дело долгое, а мне нужно хотя бы бегло поговорить с теми, с кем еще не разговаривал Данилов, пока их не распустили по домам. Не можем же мы их здесь весь день держать. Так, значит, решено, план действий такой: сначала смотрю документы, которые уже успел составить Данилов, беседую с народом, распускаю по домам, пока они не начали скандалить, а потом еще раз внимательно осматриваю место преступления. А дальше видно будет.

– Веня, когда тело забирать будут? – спросила я.

– Как судмедэксперт приедет. А когда он приедет – никому не известно, он у нас чуть ли не один на весь город. Ну да это не наша с тобой головная боль. Будешь еще что-нибудь смотреть? – Вопрос прозвучал так, словно Данилов меня экзаменовал. Видимо, ему показалось, что осмотр я провела слишком уж бегло и непрофессионально. Что ж, он меня в деле еще не видел, так что ему простительно.

– Пока нет, – спокойно ответила я. – Вот почитаю твои бумажки, поговорю с людьми, тогда возьмусь за дело по-настоящему. Ладно, пойдем отсюда. Кстати, весь этот народ куда? – Я махнула рукой в сторону комнаты, где сидели молодые люди, присутствовавшие на злополучной вечеринке.

– По домам распустим, задерживать их нет оснований. Разве что Белякова... Но, наверное, и его не стоит, как ты думаешь?

– Не стоит, – сказала я. – А где у тебя список – имена, фамилии, адреса? Ты же все это уже выяснил, я полагаю?

– Разумеется. Список на кухне. И прочие бумаги тоже там. Пойдем, я тебе все отдам.

Данилов отвел меня на кухню и выдал несколько исписанных листков бумаги.

– Поговорить я успел вот с этими, – сказал он, делая пометки на одном из листков. – Вот их галочками пометил. Кстати, обрати внимание, в списке, кроме имени, фамилии и прочих паспортных данных, написано кратенько, кто кому кем приходится и кто с кем пришел. Пригодится. Теперь дальше. Протоколы вот, – Данилов пододвинул ко мне несколько листков. – Прежде чем с прочими разговаривать, ознакомься, чтобы по десять раз одни и те же вопросы не задавать. Протокол осмотра места происшествия еще не готов. Как закончим, я тебе его тоже отдам. Соседей сама опрашивать будешь, мы за это дело еще не брались. Ну что еще... Ага, нож. Секунду...

Данилов вышел из кухни и через несколько секунд вернулся с полиэтиленовым пакетом, в котором лежал нож.

Я взяла пакет в руки и стала сквозь полиэтилен внимательно рассматривать оружие убийства. Это был обычный складной ножик, правда, с довольно длинным лезвием и кнопкой для фиксации лезвия в раскрытом состоянии. Холодным оружием он по закону определенно не являлся, такие в магазинах совершенно свободно продают. Да, ничего интересного.

– Данные экспертизы еще не готовы, это я тебе уже говорил. Так что работай. Будут еще какие-нибудь вопросы – позовешь. Мы, как закончим осмотр, сразу и отчалим.

Я кивнула, и Данилов вышел из кухни. Но не успела я начать читать, как он вернулся:

– Товарищ майор, там народ возмущается, требует сказать, когда мы их отпустим. Говорят, что права не имеем их тут задерживать.

Я, не раздумывая, встала, вышла в большую комнату и обратилась к присутствующим с короткой речью:

– Уважаемые граждане! Мы действительно не имеем права насильно вас здесь задерживать, поэтому каждый из вас может в любой момент встать и уйти. Но имейте в виду: долг каждого законопослушного гражданина – по мере возможности добровольно помогать следствию. А с теми, кто себя законопослушными гражданами не считает, я и разговаривать буду соответственно.

Я сделала небольшую паузу, чтобы до всех дошел смысл моих слов, и спросила:

– Ну что, хочет кто-нибудь уйти?

Ответом мне было напряженное молчание. Да, вот за такое меня, как правило, стервой и обзывают. Несколько смягчив голос, я сказала:

– Вот и отлично. Когда со мной по-хорошему, то и я в долгу не останусь. Задержу я вас здесь еще максимум на час. С некоторыми из вас мне нужно будет немного поговорить. В основном с теми, с кем капитан Данилов еще не успел. Когда закончу, все пойдете по домам или куда вам еще нужно.

– Можно хоть позвонить домой? – напряженным голосом спросила невысокая худощавая девушка с ярко-черными вьющимися волосами, сидевшая на краешке дивана в какой-то неестественной позе. – Я родителям обещала, что к девяти буду дома, а сейчас уже почти десять.

– Позвонить можно, вы же не под арестом. Кто вам может запретить родителей успокоить? Звони, пожалуйста. Еще вопросы есть? – Я обвела комнату взглядом, но больше вопросов не последовало, и я с чувством выполненного долга удалилась на кухню.

Так, на чем я остановилась? На списке тех, кто был на вечеринке, и на протоколах допросов. Ну-ка, ну-ка... Я углубилась в чтение, и картина постепенно начала проясняться.

Хозяином квартиры был некий Дима Лягунов, и у него же вчера был день рождения. Исполнялось Диме двадцать два года, и он, чтобы отметить это радостное событие, созвал к себе домой друзей, предварительно попросив родителей в этот вечер, ночь и утро не обременять его своим присутствием. Родители у Димы оказались покладистыми и оставили квартиру в полное Димино распоряжение на целые сутки. Народу на праздновании собралось восемь человек. Я быстро перелистнула протоколы допросов и выяснила, что из этих восьми Данилов успел поговорить с четырьмя. Хотя нет, не из восьми – из семи. С одним поговорить уже никак не удастся, разве что при помощи спиритического сеанса, в каковые я совершенно не верю. Ну и отлично, считай, половину самой мутной работы до меня сделали. Ладно, почитаем. Значит, вечером и ночью собравшиеся дружно веселились. Вернее, нет, не очень-то дружно. Вот оно, упоминание о ссоре Белякова с Лисовским. А из-за чего же они поцапались? Я повнимательнее вчиталась в Венькины каракули, благо причине ссоры капитан Данилов уделил достаточное внимание. Вырисовывалась следующая картина – несколько ребят играли в молодежной музыкальной группе под дурацким названием «ПиромaN». «Интересно, – мимоходом подумала я, – это что, признак какой-то особенной крутости – писать название смесью кириллицы и латиницы? Нет, не понять мне этого...» Однако я отвлеклась, читаем дальше.

Лидером группы был Лисовский. И этот лидер, как водится, устраивал далеко не всех членов коллектива. Какое-то время назад у Белякова, который играл на гитаре, произошел с лидером конфликт, и Лисовский его выгнал. Причину этого конфликта я из протокола не поняла – то ли Венька про это не спрашивал, то ли поленился в официальной бумажке фиксировать. А на вчерашней вечеринке, когда все уже выпили, та давняя ссора и обида Белякова на то, что его выгнали из группы, всплыли на поверхность, и, слово за слово, Беляков с Лисовским чуть не подрались. Народу пришлось их силой растаскивать. Оба сцепившихся

музыканта обещали друг друга поубивать – ну разумеется, как у нас, на Руси, без этого? – но потом вроде успокоились. Ну-ка, а чьи это у нас показания? Я посмотрела на начало протокола и выяснила, что рассказал все это некий Олег Зотов, который и сменил Белякова в группе на роли гитариста. Что ж, в общих чертах все ясно. Положение у Белякова и правда получается незавидное. Конечно, пьяные драки и крики дело не слишком серьезное, но официально они называются очень внушительно: «угроза, произнесенная при свидетелях». К тому же и нож его, и мотив есть. М-да... Даже если он не убийца, доказывать это я замучаюсь.

А вечеринка шла своим чередом. После примирения драчунов все еще какое-то время веселились, а потом начали расходиться по комнатам. Комнат в квартире три – зал, спальня родителей и Димина комната. Родительскую спальню занял Дима со своей девушкой, а в зале расположились все прочие, кроме Лисовского и Сони, которая вместе с ним ушла в комнату Димы. Так, позвольте. Это что же получается, Соня с ним всю ночь провела? Но тогда она никак не могла не услышать, как его убивают! И получается, что она или покрывает убийцу, или сама убила! Но Данилов ни о чем таком не упоминал.

Я внимательнее вчиталась в протоколы и выяснила, что ночевала Соня все-таки в зале, вместе со всеми, а Лисовский спал один. Время, когда она от него вышла, не указывалось. Ладно, сама выясню. Что-то я начинаю во всем народе запутываться. Ну-ка, еще раз пробежимся по списку. Кто там был, на этом злополучном празднестве? Так... Дима Лягунов – хозяин квартиры. С ним, кстати, еще не разговаривали, галочка тут не стоит. Что ж, поговорю. Дальше. Соня Ларина – в скобках рядом с этой фамилией было написано: «Подр. Лисовского?» Ага. «Подр.» – это, надо полагать, подруга, и с ней еще тоже не разговаривали. Интересно, а что должен символизировать знак вопроса? Надо будет у Данилова спросить. Олег Зотов – в скобках написано: «гитара». Это тот самый, чьи показания я только что читала. Оля Заедаева – в скобках: «бэк-вокал». Александр Лисовский – ну, с этим ясно. Сергей Беляков – с ним тоже. Жанна Кочнева – в скобках: «Подр. Зотова?» Опять подруга со знаком вопроса. Что же он значит-то? Ладно, а кто у нас дальше, последний в списке? Эльвира Сотникова – в скобках: «поэтесса, обнаружила тело». Хм. Ну ладно, поэтесса так поэтесса, хорошо хоть без вопросительного знака.

Я закинула руки за голову и потянулась. Итак, вчера вечером здесь было восемь человек, утром одного нашли убитым. Следовательно, мы имеем семерых подозреваемых. Ну, или как минимум троих, если отбросить девушек. А поскольку я не уверена, что их можно отбросить, то все-таки семерых. Ой, что-то у меня мысли по кругу пошли. Так, мыслим четче – с кем еще не разговаривали? С Димой Лягуновым и с двумя девушками, этими самыми подругами со знаком вопроса – Соней и Жанной. С кого начать? Я задумалась. Особой разницы нет, но, пожалуй, все-таки с Димы – он, кроме всего прочего, еще и хозяин квартиры. Только нужно постараться побыстрее, не увлекаться пока частностями, а окончательно завершить общую картину, тогда можно будет уже делать какие-то предварительные выводы.

Я вошла в комнату и спросила:

– Кто здесь Лягунов?

Светловолосый парень с длинным лицом привстал со стула:

– Я. А что?

– Я хочу с вами поговорить, пройдемте на кухню.

Парень с тяжелым вздохом поднялся и пошел за мной. Я села за стол, парень устроился напротив и выжидательно посмотрел на меня.

– Вы только имейте в виду, я все равно ничего не знаю. Как вчера отрубился, так и спал, проснулся уже, когда его нашли. – На последних словах его слегка передернуло.

– А во сколько примерно вы вчера заснули? – поинтересовалась я, придвигая к себе чистый бланк для протокола. Не сказать, чтобы меня сильно интересовал ответ на этот вопрос, но нужно же с чего-то начинать разговор, да и к собеседнику нужно присмотреться.

– Не помню точно. Примерно от половины первого до часу, в отдельной комнате. – Увидев непонимание на моем лице, парень пояснил: – Ну, у нас тут три комнаты, две смежные – зал и та, где Сашку нашли, а третья отдельная, рядом с кухней. Когда вчера начали из-за стола расходиться, мы с Олей сразу ушли в отдельную и больше оттуда не высывались.

– Оля – это Ольга Заедаева? – спросила я, заглянув в список.

– Ага. Моя девушка.

– Значит, она может подтвердить, что вы из комнаты не выходили?

– Ну да.

– А ушли вы с ней в отдельную комнату когда примерно?

– Часов в двенадцать. Ну, может, чуть позже.

Я сделала в протоколе соответствующую запись и задала следующий вопрос:

– А ничего подозрительного ночью не слышали? Шум какой-нибудь, крики?

– Нет, ничего. Мы как заснули, так только утром и проснулись, когда Эльвира начала в дверь стучать.

– Это во сколько было?

– Примерно в полвосьмого. Элька раньше всех встала, заглянула в ту комнату, увидела Сашку и кинулась всех будить. Ну а мы, как пришли в себя, милицию вызвали.

– Ясно. А вечером, до того, как вы в отдельную комнату ушли, что делали? И вообще, чем народ занимался?

– Да я не помню толком ничего, мы выпили много, у меня память почти отшибло. Помню, пели что-то, Олег портрет чей-то пытался нарисовать, потом дротики в мишень кидали, из воздушки по бокалам стреляли... Какой-то дедок приходил, грозился милицию вызвать, если мы не перестанем шуметь... В общем, весело было.

– А потом? Когда все расходиться начали? Кто с кем и куда пошел?

– Да не знаю я! Мы с Олей первые же и ушли, а что там у них дальше было, не у меня спрашивать надо.

Я замолчала, обдумывая свои дальнейшие вопросы. Похоже, ничего толкового о ночных событиях я от Лягунова сейчас не добьюсь. Ладно, у меня и другие вопросы есть. Взаимоотношения внутри компании, кажется, весьма сложные и запутанные, попробуем немного в них разобраться.

– Дима, а как ты сам думаешь, кто Лисовского убил? – Я резко подняла голову и посмотрела собеседнику в глаза.

Парень растерялся, несколько секунд недоуменно хлопал ресницами, а потом удивленно спросил:

– А я-то откуда знаю?

– Я и не говорю, что ты знаешь. Но ведь какие-то предположения у тебя есть? Ты же не пенек березовый без чувств, мыслей и собственного мнения, правильно? И компанию вашу ты лучше меня знаешь, вот и поделись соображениями. Может быть, кому-то из вас смерть Лисовского была выгодна, или у кого-то на него смертельная обида была, или еще что-то в таком роде. Понимаешь, о чем я?

– Нет, ну как я могу вот так на кого-то наклепать, – не слишком искусно попытавшись изобразить возмущение, заявил парень. – Мало ли, что я думаю? Может, он и не виноват.

– Не волнуйся. Только из-за того, что ты скажешь, никого сажать не поволокнут, все будет тщательно проверено, – сказала я, отметив про себя, что Дима произнес «он». Значит, на кого-то из парней думает. Он все еще колебался, и я еще немного надавила: – Слушай, Дима, если ты не будешь добровольно помогать следствию, то у тебя могут неприятности начаться. Например, я имею полное право задержать тебя на трое суток безо всякого ордера. И говорить мы тогда будем уже не здесь, а в другом, куда менее приятном месте. Как тебе такая перспектива?

В глазах парня мелькнул страх, и я поняла, что первый раунд выигран.

– Хорошо, – стараясь сохранять спокойствие, сказал Дима. – Но имейте в виду, это просто мое личное мнение, его к делу не подошьешь.

– Что подошьешь, а что нет, – решать мне. Выкладывай.

– По-моему, это Серега.

– Беляков?

– Ну да. У нас другого Сереги нет. Он давно на Сашку был обижен, а вчера они так сцепились, что мы все вместе их еле растащили. И ножик я видел. Серегин это ножик.

– С ножиком мы еще разберемся, а вот про то, из-за чего они вчера сцепились, поподробнее. Насколько я поняла, из-за той истории, когда Белякова из вашей группы выгнали, правильно?

Дима посмотрел на меня с таким искренним изумлением, что я чуть не рассмеялась.

– Да не ясновидящая я, не ясновидящая. С тобой же не с первым разговаривают, кое-какая информация у нас уже есть, сейчас я просто проверяю и подробности новые выясняю.

– Но ведь с остальными не вы разговаривали...

– Есть такая полезная вещь, называется протокол, – я продемонстрировала парню исписанную бумажку, – а читать меня еще в первом классе научили, так что никакой мистики. Ну, давай рассказывать, время идет. В первую очередь меня интересует, из-за чего Белякова тогда выгнали.

– Ясно. Понимаете, Серега, Сашка, я и Артем еще в школе вместе учились, в одном классе. Тогда и играть начали, первую группу создали. Ну, это было еще так, несерьезно. А три года назад мы основали «Пиромана». – Название группы Дима произнес с ясно слышимой гордостью, хотя я не вполне понимала, в чем принципиальная разница между тем, чем они занимались в школе, и этой их новой группой. Все равно и то, и другое не более чем самодеятельность.

– А что это еще за Артем? – перебила я своего собеседника.

– Артем – наш ударник, его вчера здесь не было, у него работа в ночь.

– Понятно.

– Где-то два года все было нормально, – продолжал рассказывать Дима, – но примерно год назад Сашка круто пошел вверх. Нашел какого-то спонсора, договорился с администрацией ДК Маяковского, и нам там дали базу для репетиций. На несколько выступлений в приличных клубах договорился. В общем, все бы хорошо, но Сашка решил, что теперь он – наш лидер, хотя до тех пор мы как-то без лидера обходились. Мне-то в принципе все равно, я человек не амбициозный, а вот Сереге с Артемом Сашины претензии с самого начала поперек горла встали. Несколько месяцев они терпели, но потом Сашка совсем хаметь начал, и они стали чуть ли не каждый день ругаться.

– Ясно. А в каком смысле он хаметь-то начал?

– Да во всех. Стиль группы решил изменить, нас не спросив. Олега вот привел откуда-то, хотя третий гитарист нам совершенно не нужен был. Понимаете, до тех пор у нас было две гитары – Серега и Сашка. Но Сашка решил, что гитара ему петь мешает. Внимание у него, видите ли, рассеивается, и двигаться она ему по сцене не дает. И привел Олега, хотя тому только на балалайке играть. Три аккорда выучил, а туда же – гитарист...

Я увидела, что парень начинает заводиться, и, чтобы не оказаться жертвой получасового монолога о том, как плохо играет на гитаре внедренный в группу Олег, задала следующий вопрос:

– А из-за чего они окончательно поссорились?

– Да сейчас я уже толком и не вспомню. Знаете, как это бывает, когда люди уже рассорились и только повода им не хватает, чтобы окончательно расстаться. Вот у нас так и было. Провод, что ли, Серега какой-то не туда воткнул, Сашка ему что-то грубое сказал, Сергей завелся... И понеслось! В общем, они тогда друг другу все высказали, и Сашка в конце заявил,

что он останется в этом ДК, а Серега может отваливать, и все, кому Сашкины порядки не нравятся, тоже. А поскольку с администрацией и спонсорами он «рулил», то деваться Сереге было некуда.

– А остальные?

– Ну, Олег, конечно, тут же сказал, что он поддерживает Сашку. Мы с Артемом подумали-подумали и тоже остались. Все-таки без базы нормально работать невозможно, а найти новую – большая проблема. Серега на нас тогда, кажется, обиделся, но вслух ничего не сказал, отношения у нас с ним остались нормальные. Ну, кроме Сашки, ясное дело. Они друг о друге слышать спокойно не могли.

– Как же они тогда оказались в одной компании вчера, если у них такая вражда была? – спросила я, чувствуя, что дело плохо. Оказывается, дело не просто в пьяной ссоре. У Беякова был самый настоящий мотив, и знали о нем, наверное, очень многие. Ох, а если и правда он, ножичком-то, а? Знаю я творческую молодежь, для меня-то их разборки, кто лидер, а кто нет, мотив совершенно смешной, а двадцатилетние к таким вещам очень серьезно относятся.

– Да это я сглупил, – покаянно заявил Дима. – Не нужно было их обоих приглашать. Но я же не знал, что так получится! Понимаете, и Серега мой друг со школы, и Сашка тоже. Я-то ни с тем, ни с другим не ссорился. Как я мог кого-то из них не пригласить? Обиделись бы. Да и вообще – была у меня мысль, что, может, за полгода они успокоились и на моем дне рождения помиряются. А тут вон что вышло...

– А теперь, после смерти Лисовского, кто в группе главным будет?

Дима задумался и, помолчав с полминуты, произнес:

– Я даже и не знаю. Во-первых, нас могут из ДК выпереть, во-вторых, Серегу наверняка посадят. Какое уж тут лидерство? Скорее всего, просто развалится группа, и все.

– А если из ДК не выгонят?

– Не знаю. Точно не я, мое дело маленькое – на гитаре играть. Я ни музыки не пишу, ни тексты. Может, Артем.

Я задумчиво покивала. Что ж, история вполне обыкновенная и понятная. Нужно будет еще уточнить некоторые подробности у администрации ДК. Так, что еще меня интересовало? Ага...

– А другие враги у Лисовского были, кроме Сергея? – спросила я, умышленно сформулировав вопрос именно так.

Дима немедленно среагировал:

– Э, постойте! Я не говорил, что Серега с Сашкой были враги. Просто не уступали они друг другу.

– Ладно, не враги, а недоброжелатели.

Некоторое время мой собеседник думал, а потом неуверенно сказал:

– Если и были, то мне про них ничего толком не известно. Единственное, что знаю, вот месяца два назад Сашка мне по пьянке признался, что кому-то крупную сумму задолжал и не представляет, как расплачиваться будет. Но потом, по трезвой, он об этом больше ни слова не говорил.

– То есть отдал ли он долг и кому, ты не знаешь?

– Нет. Совершенно без понятия.

– А откуда у него мог такой долг взяться, как ты думаешь?

– В каком смысле откуда? Откуда долги берутся? Занял у кого-то...

– Ну, не бывает же так, чтобы человек ни с того ни с сего влез в долги на крупную сумму. Он покупал что-нибудь дорогое? Или бизнесом пытался заняться? Или еще что в таком роде?

– Точно не знаю. А может, это из-за казино, а?

– Он что, в казино играл?

– Ага. Сашка был большой любитель этого дела. Правда, обычно ему везло, но мало ли...

– А в какое он казино ходил? Или в разные?

– В основном в «Вулкан». Это как раз рядом с нашим ДК, через дорогу. Он туда часто после репетиций захаживал. Может, он и еще где-нибудь играл, но насчет «Вулкана» я знаю точно.

Я задумалась, переваривая новую информацию. Долг, казино... Хотя на самом деле не факт, что они связаны. Мог Лисовский и из-за чего-нибудь другого в долги влезть. Ладно, это я еще проверю. Заеду в «Вулкан» и поспрашиваю тамошний народ, благо знакомые у меня там есть. Так, какие у меня еще вопросы есть... Ага, нож.

– И последний вопрос, Дима. Ты сказал, что нож, которым было совершено убийство, принадлежит Белякову?

– Да.

– А откуда ты знаешь?

– Так он этот нож не вчера купил. Я сколько раз уже его у Сереги видел.

– А с чего ты взял, что именно им было совершено убийство?

– Как с чего? С того, что он у Сашки из груди торчал! Или вам этого мало? – Парня ощутимо передернуло. – Как вспомню эту картину, мурашки по коже бегут. Лежит на кровати, голову закинул, и нож из груди торчит. Б-rrrr! Ужас какой-то, до сих пор поверить не могу, что это на самом деле произошло, все кажется, что я сейчас проснусь и все будет в порядке.

– Это вряд ли, – серьезно ответила я. – Ладно, к тебе у меня вопросов пока больше нет. Прочитай, распишись вот на бумажке, – я придвинула к нему протокол, – и можешь идти. Кстати, ты в ближайшее время из города никуда уезжать не собираешься?

– Нет, – помотал головой Дима, читая мои каракули.

– Вот и замечательно. Иди. И пошли ко мне Соню Ларину, с ней еще тоже не разговаривали.

Парень расписался внизу листка, тяжело поднялся с табуретки и вышел из кухни. Я заметила, что он слегка пошатывается. Да, хорошо они вчера отмечали, сразу видно. Ну, для меня то, что ребята похмельем мучаются, даже и лучше – в таком состоянии труднее врать. Еще раз быстро прокрутив в памяти разговор с Димой, я пришла к выводу, что большей части сказанного им верю. Когда дело касалось событий полугодовой давности, он говорил весьма охотно и откровенно. Единственное, что вызывает некоторые сомнения, так это то, что он всю ночь ничего не видел и не слышал. Но и это в принципе может оказаться правдой. Хотя... что-то уж очень уверенно он валит вину на Белякова, с которым вроде бы дружит со школы. Однако это еще ни о чем особом не говорит, может быть, он и в самом деле так думает. Правда, по моим представлениям, если убил не Беляков, то примерно так и должен себя вести настоящий убийца – все валить на Сергея. Кстати, и колебался Дима, перед тем как начать излагать свои подозрения, весьма недолго.

А что там насчет показаний Оли, с которой он в одной комнате спал? Я перелистнула протоколы и выяснила, что показания Ольги Заедаевой полностью совпадают с тем, что я только что слышала. Заснули примерно в час ночи, из комнаты не выходили, проснулись только утром от стука в дверь. Что ж, ее слова, конечно, подтверждают показания Димы, но если Заедаева его девушка, то в случае чего она и не такого наговорит, лишь бы его выгородить. Нужно постараться еще как-нибудь проверить показания обоих.

На этом месте мои размышления были прерваны появлением на кухне невысокой темноволосой девушки с большими карими глазами. Одета она была в синие джинсы и белую блузку, а на ногах у нее были пушистые тапочки с заячьими мордами. Она нерешительно остановилась передо мной, а затем, повинуясь моему приглашающему жесту, села на только что освобожденную Димой табуретку. Я уже собралась задать ей первый вопрос, как вспомнила, что хотела спросить Данилова про то, что означают вопросительные знаки, стоящие в списке после сокращения «подр.» рядом с фамилиями Сони Лариной и Жанны Кочневой.

– Подожди секундочку, я сейчас, – сказала я девушке и вышла из кухни. Заглянув в большую комнату, я поманила к себе Данилова, а когда он появился в коридоре, спросила его: – Веня, у тебя в списке про Жанну и Соню написано, что они подружки Лисовского и еще кого-то, Олега Зотова, что ли, но после слова «подружка» стоят знаки вопроса. Что это значит?

– А у них, как я выяснил, очень запутанные отношения, – ответил Данилов. – Не поймешь, кто с кем. Насколько я понял, Жанна Кочнева какое-то время была с Лисовским, но буквально на днях они поссорились. А Соня Ларина была подругой Олега, но вроде бы испытывала какие-то симпатии к Лисовскому и вчера даже пришла сюда с ним. А Жанна перешла к Олегу. В общем, поменялись партнерами. Понимаешь?

Я стала быстро прикидывать: ага, были две пары – Соня с Олегом и Жанна с Сашей, а стали – Соня с Сашей, а Жанна с Олегом. Ну, чего ж здесь не понять, ведь это не бином Ньютона.

– Вроде бы да. И эта рокировка как раз вчера вечером произошла?

– Насколько я понял, происходила она довольно давно, но вчера вечером окончательно оформилась. Кстати, Татьяна, выяснилась еще одна интересная подробность. Оказывается, тут всю ночь дверь была не заперта. Один из моих парней сообразил, молодец. Нам когда открывали, дверь не отпирали, а просто распахнули. Он про это вспомнил, спросил и выяснил, что дверь была не заперта с вечера.

– Ну и что? – спросила я, не вполне понимая, почему Данилов придает этой детали такое значение.

– Да ничего особенного. Просто теоретически ночью, пока все спали, кто угодно мог незаметно сюда войти, зарезать парня и так же незаметно уйти. Такое, конечно, маловероятно, но все же...

– То-то и оно, что маловероятно, – скептически усмехнулась я. – Это что же получается, кто-то случайно завернул не в ту квартиру, увидел, что здесь все спят, взял ножик и зарезал одного из спящих, а потом спокойно удалился, даже не украв ничего. Нет, полный бред. А если человек шел сюда специально для того, чтобы убить, то он никак не мог знать, что молодые разгильдяи забудут дверь запереть.

– А если был сообщник, который ее открыл?

– Так ты выяснил, ее кто-то специально открыл или просто запереть забыли?

– Никто не помнит точно. Судя по всему, забыли. Тут одна парочка ночью гулять выходила, вот они, наверное, и не заперли. Или после того, как приходил сосед, тишины требовавший, запереть забыли.

– Тогда, скорее всего, открытая дверь случайность, и не стоит ей особое значение придавать, – заключила я. – Кстати, а что за парочка? Кто именно?

– Олег и Жанна.

– Ладно, когда буду с Жанной разговаривать, заодно и спрошу, – сказала я. – Она у меня следующая по списку. Кстати, Веня, – вспомнила я еще об одном важном моменте, – у убитого какие-нибудь вещи были с собой?

– Сумка была. Мы ее уже осмотрели: ничего интересного, малый джентльменский набор. А что?

– Оттуда ничего не пропадало?

– Ну, Татьяна, чтобы выяснить, не пропало ли чего, нужно знать, что там было, а узнать это, согласись, совершенно невозможно. Нужно тогда спрашивать у тех, кто хорошо знал Лисовского, да и то результат будет не точный.

Я кивнула, соглашаясь со справедливостью слов Данилова.

– А больше ничего интересного не обнаружили пока?

– Кучу мелочей среди всеобщего бардака. Что из этой кучи важно, а что нет – тебе решать. Но я не стану пока ничего рассказывать, лучше тебе самой посмотреть и почитать протокол

осмотра. Я ребятам специально сказал, чтобы они ничего особо не трогали, так что все будет в целостности и сохранности.

– Спасибо, Веня, – я мило улыбнулась и упорхнула в кухню, к ожидавшей меня Соне.

Девушка сидела на табуретке, сложив руки на коленях, в очень зажатой и напряженной позе. Вообще, выглядела она значительно хуже, чем Дима. Лицо у нее было бледное, а глаза слегка припухшие, словно она до этого плакала. Что ж, не знаю, насколько близок ей был Лисовский, но в любом случае нужно быть с ней поделикатнее.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я буду заниматься расследованием этого преступления, – представилась я в качестве вступления, постаравшись, чтобы мой голос звучал по возможности мягко.

Девушка кивнула, но ничего не ответила. Кивок у нее получился какой-то судорожный, было полное ощущение, что она с трудом сдерживается, чтобы снова не заплакать. Да, она или гениальная актриса, или совершенно ни при чем. Скорее все-таки последнее. Вот и отлично! Значит, к ее словам можно будет относиться с доверием.

– Соня, мне сейчас нужно будет задать вам несколько вопросов, постарайтесь ответить на них, даже если они покажутся вам бестактными, – сказала я еще более мягко. – Чем больше я узнаю, тем скорее мне удастся найти преступника.

– Я понимаю, – тихо сказала девушка. – Спрашивайте.

– Для начала расскажите, пожалуйста, как вы провели вчерашний вечер и ночь, начиная с того момента, как все встали из-за стола, – попросила я. – Кстати, если можете, расскажите не только про себя, но и про остальных тоже. В первую очередь меня интересует, кто, где и с кем был и что делал.

– Сначала ребята что-то пели, потом пошли на кухню, стали ножи в косяк метать. Потом из винтовки стреляли, посуды кучу перепортили. – Соня говорила тихим ровным голосом четко и ясно, но в ее информации не было пока ничего интересного – описывала обычную молодежную вечеринку с элементами вандализма. Помню, в студенческие годы я и сама такими не брезговала. Но сейчас меня не подробности их вчерашних развлечений интересовали, а совершенно другие вещи; и я попыталась направить разговор в нужное мне русло:

– А потом? Когда все стали расходиться спать? Кто с кем пошел и куда?

– Сначала Дима и Оля ушли. Они в этой комнате ночевали, – Соня указала рукой в сторону коридора. – Там третья комната, отдельная от остальных.

– Да, я знаю, – сказала я. – А во сколько примерно это было?

Соня задумалась.

– Точно не помню, но где-то около полуночи. Да, до половины первого, а по-моему, все-таки раньше. Извините, но точнее сказать не могу, на часы я не смотрела.

Я отметила, что пока показания Димы и Оли совпадают, и продолжила задавать вопросы:

– А остальные?

– Сергей, Жанна и Олег в большой комнате остались. Эльвира ушла на балкон, – девушка запнулась и замолчала.

– А вы с Александром? – спросила я, чувствуя себя последней сволочью.

– А мы в ту комнату пошли, – она так выделила голосом слово «ту», что не оставалось ни малейших сомнений, какую именно комнату она имеет в виду.

– Когда это было?

– Полпервого. Саша как раз на часы посмотрел и сказал: «Спать пора, уже полпервого». Я поэтому и уверена, что Дима с Олей до этого времени ушли, так как они ушли раньше нас.

– Соня, прости, но, кажется, мне придется перейти к бестактным вопросам, – сказала я. – Судя по тем протоколам, которые я уже прочитала, спала ты не в той комнате, а в зале, а Лисовский спал один. Не могла бы ты рассказать мне, во сколько и почему ты от него ушла? И вообще, какие между вами были отношения?

Соня тяжело вздохнула:

– Я так и знала, что вы спросите. Послушайте, ну зачем вам знать? Это наше личное дело и к убийству никакого отношения не имеет.

– Соня, – уже значительно более решительным голосом сказала я, – позволь мне самой решать, что имеет отношение к убийству и его расследованию, что не имеет. У меня в таких делах опыта больше, честное слово. Личные отношения как раз очень важны, они часто влияют на мотивы, и поэтому мне нужно о них знать.

– Какие мотивы? Чьи мотивы? Вы что, думаете, это я Сашку убила? – Девушка нервно рассмеялась.

– Я пока еще ничего не думаю. Я просто жду ответа на свой вопрос. Соня, пойми, я ведь не из любопытства спрашиваю. Работа у меня такая, что поделаешь. Должен же этим кто-то заниматься.

– Да, я понимаю. Просто неприятно.

– Ничего не поделаешь. Нужно, – решительно сказала я.

Соня немного помолчала, а потом начала рассказывать. История оказалась вполне обыкновенная и банальная. Оказалось, что Соня довольно долго была девушкой Олега Зотова, того самого, который, по мнению Димы, был пригоден только для игры на балалайке. И когда минувшей осенью Олег по приглашению Лисовского вошел в состав «Пиромана», Соня через него тоже попала в эту тусовку. И примерно с того же времени что-то у них с Олегом не заладилось. Подробностей Соня не касалась, но, насколько я поняла, суть проблемы укладывалась в классическую формулировку: «не сошлись характерами». Что ж, не они первые, не они последние. Хорошо, что они это выяснили, не успев жениться. Но, кроме одной классической проблемы, в их взаимоотношения закралась еще и другая, столь же традиционная, – Соня начала «западать» на Лисовского. Тот был вроде бы «занят» – у него была девушка, Жанна, которая к группе не имела никакого отношения, а просто ходила в школу современных танцев при том же ДК. Но отношения между Сашей и Жанной тоже были далеко не идеальными, чтобы не сказать больше.

Дойдя в рассказе до взаимоотношений пары Саша – Жанна, Соня заговорила крайне маловразумительно. Вроде бы Жанна не была девушкой Лисовского, а ей было нужно от него что-то другое, хотя, что именно, Соня не сказала. Или сначала не была, а потом стала... или не стала, а просто притворялась... В общем, поняла я из слов Сони мало, а самое главное – не была уверена, насколько тому, что я про Жанну услышала, можно верить. В конце своего монолога, посвященного Жанне, Соня неожиданно для меня прозрачно намекнула, что ту больше интересуют девушки, и, когда я спросила, правильно ли я ее поняла, решительно кивнула, но больше на эту тему распространяться не стала. Короче, я выяснила, что Соня в последний месяц то и дело ругалась с Олегом, а Жанна ссорилась с Лисовским, и к чему у них идет – всем уже было ясно. Обе пары по привычке делали вид, что все нормально, хотя и сами прекрасно осознавали произошедшие изменения. А буквально несколько дней назад и вид делать всем четверым надоело. И на вчерашнюю вечеринку Жанна пришла уже с Олегом, а Соня с Лисовским.

– Так, понятно, а что у вас вечером с Лисовским произошло? Вы с ним поссорились? – спросила я, когда Соня умолкла.

– Да. Он же пьяный был, а, как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вот он и проговорился, что я сама ему не нужна, а просто он хочет показать Жанне, что и без нее прекрасно обойдется. Ну я психанула, дала ему по морде и ушла из комнаты. Думала, что он за мной пойдет, а он не пошел. Ну, я решила, что и не надо, фиг с ним.

– Это во сколько было? В смысле – ушла ты от него в котором часу?

– Не знаю точно. Наверное, около часа или чуть раньше, мы с ним совсем недолго вместе сидели. Только, Татьяна Александровна, поверьте мне: честное слово, когда я от него выходила, он был живой, я его не убивала!

– Верю, – сказала я, ничуть не погрешив против истины. Данилов говорил, что смерть наступила в промежутке от трех до пяти часов утра. Он, конечно, мог ошибиться, но не настолько. – А когда вышла от него, сразу спать легла?

– Нет. Я села на диван в зале, и ко мне попыталась Жанна подлезть, спрашивала, что со мной, но я ее послала подальше, не стала с ней откровенничать. А потом Эльвира с балкона вышла и ко мне подседа. Мы с ней поговорили, и как-то, слово за слово, я ей жаловаться начала. Потом мы с ней на кухню пошли, чай пить, там еще поговорили. Кстати, Жанна подслушивать пыталась. Любопытно ей, стерве, было. Я услышала и послала ее еще раз, громко. Они после этого с Олегом куда-то отвалили из дома, типа погулять в романтической обстановке.

– А потом? – спросила я, делая пометки в блокноте.

– Ну, мы с Элей немного посидели на кухне, а потом вернулись в зал и легли спать.

– А что в это время Беляков делал, не знаешь?

– Да он уже спал, по-моему. Когда я от Сашки вышла, он сидел, развалившись, в кресле с закрытыми глазами и, кажется, даже похрапывал. И когда мы с Эльвирой с кухни вернулись, так же сидел.

– Ясно. А скажи, пожалуйста, вы с Эльвирой вернулись в зал до того, как Олег с Жанной ушли, или после?

– После. Даже не так: мы туда вернулись уже после того, как они со своей прогулки вернулись, часа в два – в начале третьего. Да, мы здорово заболтались.

– Значит, получается следующее: от Лисовского ты вышла около часу, примерно в то же время вы с Эльвирой ушли на кухню, и в начале второго Жанна с Олегом ушли гулять. Все пока так?

– Так, – кивнула девушка.

– А вернулись вы с Эльвирой в зал примерно в два часа или чуть позже.

– Ага.

– Точно? – настойчиво спросила я. – Соня, это важно. Понимаешь, в тот промежуток времени, когда вы сидели на кухне, а Жанна с Олегом гуляли, в зале оставался один Беляков, а он у нас пока главный подозреваемый. Ты можешь с полной уверенностью сказать, что вы с Эльвирой вернулись в зал, скажем, не позже половины третьего?

– То, что до половины третьего, пожалуй, точно, – некоторое время подумав, сказала Соня. – А вы, значит, тоже думаете, что это Сергей Сашу убил?

– Пока еще нет, – ответила я. – Но я должна учитывать и такой вариант. А у тебя есть какие-то аргументы против?

– Знаете, в то время, пока мы на кухне сидели, он его точно убить не мог, – решительно сказала Соня.

Я наострила уши. То, что в это время он и правда убить не мог, я и так знала – убийство было совершено как минимум на час позже. Но интересно, почему Соня так решила? Ей-то Данилов про время смерти не говорил.

– Почему ты так уверена? – осторожно спросила я. – Ты позже видела Сашу живым?

– Не видела, а слышала, – сказала Соня. – Я ночью вставала, ходила в туалет. Когда я проходила по коридору, то слышала голоса на кухне. Голоса были мужские, и один совершенно точно Сашкин.

Я почувствовала, что наткнулась на что-то интересное. Так-так, сейчас главное – узнать о том ночном разговоре побольше.

– А второй кто был, ты не поняла?

– Знаете, – задумчиво сказала Соня, – второй был Дима. Я его по голосу не узнала, он тихо говорил. Но это точно был он, больше некому. Я, когда из зала выходила, видела, что Олег и Сергей спят, а кроме них, в квартире только два парня и было – Сашка да Дима. Значит, они и говорили, больше некому.

– А сколько времени было, не помнишь? – для порядка спросила я и была несказанно обрадована, получив точный ответ:

– Без двадцати четыре. Знаете, я когда ночью просыпаюсь, всегда на часы смотрю. Вот и сегодня глянула – на часах было три тридцать семь или три тридцать восемь, что-то в этом роде.

– А о чем они там, на кухне, разговаривали, ты не расслышала?

– Нет. Я же не Жанна – чужие разговоры подслушивать. Только говорили они, по-моему, довольно сердито. Если и не ссорились, то уж спорили наверняка.

Я мысленно улыбнулась. Интересная ситуация получается. Если верить Диме, то он ночью спал и никуда не выходил. А если верить Соне, то выходил и о чем-то спорил с Лисовским на кухне без двадцати четыре. И что характерно, я больше верю Соне. Соврать, что тебя где-то не было, весьма логично и естественно, но люди редко придумывают то, чего на самом деле не видели. Конечно, то, что Дима соврал, еще не доказывает того, что он преступник, мало ли какие у него могли быть причины. Например, испугался, что его могут заподозрить, – самое вероятное объяснение, кстати. Нужно будет потом поговорить с его девушкой, глядишь, что-нибудь и прояснится. И постараться выяснить, были ли у него какие-нибудь мотивы.

– Соня, ты абсолютно уверена в том, что мне сейчас рассказала? – для проформы спросила я. – Имей в виду, что в нашем Уголовном кодексе предусмотрена ответственность за дачу ложных показаний.

– Вы что, мне не верите? – удивленно спросила Соня.

– Верю. Но дело не в том, верю я или нет, а в том, что я тебя об этом обязана предупредить. Так ты уверена?

– Да. Не могло же мне показаться, правильно? Там совершенно точно разговаривали два парня, Сашка и Дима.

– А ты не могла в зале обознаться и одного из спящих парней с кем-то спутать? Все-таки ночь, темно...

– Нет. Штора была не задернута, а луна довольно ярко светила, я лица обоих видела, так что обознаться никак не могла.

– Понятно. А потом ты снова спать легла?

– Ага.

– И до утра уже не просыпалась?

– Кажется, нет. Хотя погодите. Вставать я больше не вставала, но еще один раз, буквально на несколько секунд, проснулась – в комнате мобильник чей-то зазвонил и меня разбудил. Я еще подумала: пришло же какому-то идиоту в голову развлекаться с сотовым среди ночи.

– А кому звонили, не разобрала? – заинтересованно спросила я. Конечно, этот звонок может оказаться и чистой случайностью, не имеющей никакого отношения к делу, но обратить на него внимание все-таки следует. В нашем деле, как известно, мелочей не бывает.

– По-моему, Эльвире. Звонок телефона был очень похож на ее, – ответила Соня.

– О чем разговаривали и во сколько это было, ты не расслышала?

– Нет. Я проснулась от звонка, а потом, когда он умолк, тут же заснула и больше до утра не просыпалась.

Я задумчиво кивнула, сделала для себя пометку в блокноте и перешла к другим вопросам, попыталась поспрашивать про отношения между ребятами внутри группы. Но здесь меня ждало разочарование – Соня практически ничем не могла мне помочь. Всех их, кроме Олега и Саши, она знала очень мало и плохо. Единственное, что она мне сказала, что Олег был хорошим приятелем Лисовского и что благодаря ему в группу попал, но это я и так знала. Когда я

спросила Соню, не повлияла ли на их дружеские отношения начавшаяся этой весной история, когда они поменялись девушками, Соня, пожав плечами, ответила:

– Не знаю точно. Внешне не очень, они как были приятелями, так и остались. Но, по-моему, все-таки они из-за этого стали хуже друг к другу относиться. На первый взгляд это было не очень заметно, но если приглядеться, тем более что я их все-таки не один день знала... Особенно Олег, по-моему, на Сашку обижаться начал. Мне кажется, что Жанна ему постоянно на мозги капала, рассказывала про Сашку гадости всякие, а он и верил. Понимаете?

Я кивнула, задала еще пару незначительных вопросов и отпустила Соню, попросив ее позвать сюда Жанну Кочневу – последнюю из тех, с кем я собиралась сейчас пообщаться.

Глава 3

Жанна вошла буквально через несколько секунд. Это была высокая девушка с прямыми светлыми волосами, большими синими глазами и чувственным ртом. Вообще, личико у нее очень красивое, но почему-то навевало какие-то мультяшные ассоциации. Такие лица обычно бывают у главных героинь в мультфильмах. Особенно опечаленной девушка, в отличие от моей предыдущей собеседницы, не выглядела, скорее взволнованной и обеспокоенной. Как мне показалось, на ней вчерашняя гулянка оставила не слишком большой отпечаток.

Я начала задавать традиционные вопросы: что она делала ночью, не видела ли, не слышала ли чего-нибудь подозрительного и так далее. Сначала ничего особенно нового Жанна мне не поведала. Еще раз рассказала, как гости веселились, подтвердила, что раньше всех отделились от честной компании Дима с Олей, что Соня ушла в комнату, смежную с залом, вместе с Лисовским, но очень скоро вышла оттуда в расстроенных чувствах и ушла с Эльвирой на кухню. Когда я поинтересовалась, правда ли, что она пыталась подслушивать, о чем Соня с Эльвирой на кухне говорят, Жанна сказала, что Соня все выдумывает, она случайно мимо проходила, а та вдруг выскочила из кухни и ни за что ни про что на нее набросилась. Мне показалось, что в этом месте Жанна говорит неправду, слишком уж рьяно она уверяла меня, что все именно так и было, но уделять этому моменту слишком большое внимание я не стала – в конце концов, любопытство не является уголовно наказуемым преступлением. На вопрос о том, зачем они с Олегом выходили на улицу, Жанна ответила, что им просто захотелось проветриться и побыть одним. Что было потом? А потом они легли спать и до утра больше не просыпались. Услышав мой вопрос, не слышала ли она какого-нибудь движения по квартире или звука телефонного звонка, Жанна замялась и сказала:

– Звонок я точно сквозь сон слышала. Точно, у кого-то сотовый запиликал. По-моему, у Эльки. У ее сотового мелодия поставлена специфическая, трудно с другой спутать.

– Во сколько это было, не помнишь?

Жанна отрицательно помотала головой:

– Нет, что вы! Я даже не открывала глаза. Чертыхнулась про себя, что разбудили, и снова заснула.

– А о чем она разговаривала по телефону, ты не слышала?

– Нет. Я же говорю – меня звонок разбудил, но я тут же опять заснула. Да к тому же Элька говорила шепотом.

«Интересно, – отметила я про себя, – если ты, дорогая моя, тут же заснула, то откуда знаешь, что она говорила шепотом?» Но вслух спрашивать об этом я не стала – бессмысленно, Жанна заявит, что оговорилась, и ничего не докажешь. Собственно, вполне возможно, что она и в самом деле оговорилась.

– А какого-нибудь движения по квартире ты не слышала? – спросила я. – Понимаешь, Жанна, в ту комнату, где спал Лисовский, можно было пройти только через зал, так что если ты хоть что-нибудь помнишь – говори, это может оказаться очень важным.

На какое-то время Жанна задумалась, потом неуверенно сказала:

– Я не уверена, но, по-моему, ночью Сергей вставал.

– Беляков? – переспросила я.

– Ага. Но я не уверена. Может, это мне вообще приснилось, – Жанна тут же пошла на попятный.

– Если так, то почему ты сказала, что вставал именно он?

– Мне показалось, что движение было в том углу, где кресло, а в нем спал как раз Сергей.

– А во сколько это было, ты, конечно, не помнишь? – почти утвердительно сказала я.

– Не помню, – пожала плечами Жанна. – Но уже поздно, очень поздно.

- Ну, хотя бы до или после телефонного звонка?
- По-моему, до. Да-да, точно до.
- Ясно, – сказала я. – А больше ты ничего не слышала?
- Нет, – Жанна решительно покачала головой.

Я поняла, что больше о событиях ночи я от нее ничего не узнаю. Или она правда ничего больше не видела и не слышала, или говорить не хочет. Ну и ладно, и так мне грех жаловаться – кое-что интересное она мне все же рассказала. Так, теперь попробуем поспрашивать у нее про их отношения с Лисовским.

На этот мой вопрос Жанна отвечала очень неохотно. Да, какое-то время назад она встречалась с Сашей. Почему расстались? А какое мне, собственно, дело до их отношений? Нет, она понимает, что я не из пустого любопытства спрашиваю, но все равно. Ах, необходимо для следствия... тогда ладно. С Сашей Лисовским они познакомились прошлой осенью, где-то в середине ноября. Она как раз начала ходить в школу современного танца при ДК Маяковского, там они с Александром и встречались. Всю зиму и начало весны поддерживали хорошие отношения, а потом вместо Саши она стала встречаться с Олегом. Из-за чего с Сашей разошлись? Просто поняли, что не подходят друг другу, вот и все. Конкретнее? Ну, это так просто не объяснишь.

Как я ни старалась, ничего более определенного по поводу причины их размолвки мне узнать не удалось. Ладно, допустим, что тут я вторглась в область очень личного, и говорить об этом Жанне неприятно. Что ж, хорошо хотя бы то, что пока в ее показаниях нет практически никаких расхождений с тем, что я слышала от Димы и Сони. И то хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.